

КУРТ ВОННЕГУТ

МАТЕРЬ ТЬМА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК821.111-31(73)

ББК84(7Coe)-44

В73

Серия «Эксклюзивная классика»

Kurt Vonnegut

MOTHER NIGHT

Перевод с английского *В. Бернацкой*

Серийное оформление *Е. Ферез*

Художник *С. Неживясов*

Печатается с разрешения издательства Dial Press,
an imprint of Random House,
a division of Penguin Random House LLC
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Воннегут, Курт.

В73 Матерь Тьма : [роман] / Курт Воннегут ; [пер. с англ. В. Бернацкой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 224 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-099474-8

Один из лучших, самых глубоких и страстных романов Курта Воннегута — роман, неожиданно для него простой и реалистичный по форме. История Говарда Кэмпбелла — героя и преступника, американского писателя, живущего в гитлеровской Германии, разведчика, вынужденного выдавать себя за ярого нациста и вести пропагандистские передачи на радио.

Можно ли во имя победы добра служить злу? Проповедовать насилие, даже если знаешь, что в конечном итоге это поможет прервать смертельный ход безжалостной машины для убийства? Где грань между Светом и Тьмой и как удержаться на этой грани? Курт Воннегут задает себе и всем нам один из вечных вопросов, который хотя бы раз в жизни встает перед каждым.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Kurt Vonnegut, Jr., 1961, 1966

© Перевод. В. Бернацкая, 2016

ISBN 978-5-17-099474-8

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Посвящается Мата Хари

Где тот мертвец из мертвых,
Чей разум глух для нежных слов:
«Вот милый край, страна родная!»
В чьем сердце не забрезжит свет,
Кто не вздохнет мечте в ответ,
Вновь после странствий многих лет
На почву родины вступая?

Вальтер Скотт.
Песнь последнего менестреля.
Песнь шестая*.

---

* Перевод Т. Гнедич. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Вступление

Это единственная моя история, из которой можно вынести мораль. Я не думаю, что она отличается какой-то особой новизной, но все же решил поделиться ею: мы — те, кем притворяемся, и потому нужно очень тщательно продумывать образ, который мы на себя берем.

Мое личное знакомство с нацистскими «штучками» весьма ограничено. В тридцатые годы в моем родном городе Индианаполисе были мерзкие и энергичные типы, называвшие себя американскими фашистами, и, помнится, один из них подсунил мне экземпляр «Протоколов сионских мудрецов», из которого следовало, что у евреев существует секретный план завоевания мира. И еще я помню насмешки над моей тетушкой. Она вышла замуж за подлинного немца из Германии, и потому ей пришлось писать в Индианаполис, требуя подтверждения, что в ней нет еврейской крови. Наш мэр знал тетушку в школьные времена и даже посещал с ней вместе танцевальный класс, поэтому он с удовольствием украсил затребованные немецкими властями документы многочисленными ленточками и печатями, после чего они стали напоминать мирный договор восемнадцатого века.

Вскоре началась война, меня призвали в армию, я попал в плен, и пока боевые действия продолжались, смог кое-что узнать о Германии изнутри. Я служил рядовым в батальонной разведке и, согласно Женевской конвенции, должен был содержать себя сам, что было скорее хорошо: мне не приходилось постоянно сидеть в тюрьме где-то за городом. Я ездил в город, в Дрезден, видел людей и их жизнь.

В нашей группе было человек сто, мы работали по контракту на фабрике, изготавливавшей насыщенный витаминами солодовый напиток для беременных. Он напоминал жидкий мед с ореховым привкусом. Хотелось бы сейчас его попробовать. И сам город был красив — изысканный, как Париж, и совершенно не тронутый войной. Возможно, он считался нейтральным городом, который нельзя было бомбить: ведь в нем не стояли войска и отсутствовали заводы.

Но в ночь на 13 февраля, примерно двадцать один год назад, американские и британские самолеты сбросили на Дрезден фугасные бомбы. У летчиков не было определенных мишеней. Цель была в том, чтобы создать очаги пожара, а пожарных загнать под землю. А потом на город посыпались сотни тысяч мелких зажигательных бомб — они падали как семена на свежевспаханную землю. Их бросали, чтобы пожарные не высывались из укрытий, и все мелкие огни соединялись и сливались до тех пор, пока не превратились в огромное апокалиптическое пламя. И вот — огненная буря. Это, кстати, была величайшая бойня в европейской истории. Ну, и кому до этого дело?

Мы не удосужились стать свидетелями разгулявшейся огненной стихии, поскольку находились в сопровождении шести охранников в прохладном хранилище под скотобойней среди рядов освеженных бычьих, свиных, лошадиных и бараньих туш. Слышали, как над нами рвались бомбы. Иногда с потолка сыпалась штукатурка. Выгляни мы на улицу — сразу погибли бы.

В результате обстрела люди превращались в обугленные головешки в два-три фута длиной или, если вам так больше нравится, в огромных жареных кузнечиков.

Фабрику по производству солодовых напитков стерли с лица земли. Всю, кроме подвалов, где Гензели и Гретели в количестве 135 000 испеклись, как пряничные человечки. Нас направили искать убежища, откапывать трупы и выносить их наверх. Там я увидел много немцев самого разного возраста в том положении, когда их настигла смерть. На коленях они обычно держали ценности. Иногда за нашими раскопками наблюдали родственники. Они тоже были по-своему интересны.

Вот и все, что связывает меня с нацистами.

Если бы я родился в Германии, то мог бы стать нацистом, гонялся бы за евреями, цыганами и поляками, теряя в снегу ботинки и согреваясь от мысли, что творю благое дело. Такие дела!

Сейчас, когда я обо всем этом думаю, еще одна истина открывается мне: если уж вы мертвы, то мертвы. Но и она не последняя: занимайтесь любовью, когда можете. Это вам только на пользу.

Айова-Сити, 1966.

От редактора

Готовя американское издание «Исповеди Говарда У. Кэмпбелла-младшего», я имел дело с рукописью, в которой не просто излагались или извращались события. Кэмпбелл был писателем, а не только человеком, обвинявшимся в тягчайших преступлениях, и одно время считался неплохим драматургом. А раз он являлся писателем, то одни лишь законы искусства могли заставить его лгать и не видеть в этом ничего дурного. Сочинительство пьес должно еще больше насторожить читателя, потому что нет более искусного лжеца, чем человек, который искажает жизнь и страсти других людей, давая им гротескное изображение на сцене.

Теперь, когда я начал говорить о лжи, рискну пофантазировать и о той лжи, которая нацелена на создание художественного эффекта. В театре, например, и, возможно, в исповеди Кэмпбелла она становится — в высшем смысле — наиболее приятательной формой правды.

Конечно, со мной как с редактором можно не соглашаться. Полемика не в моем вкусе. Просто в меру своих сил я старался точно передать исповедь Кэмпбелла.

Что до моей правки, то она практически отсутствует. Кое-где я исправил ошибки в правописании, убрал несколько восклицательных знаков и внес курсив.

Я также изменил некоторые имена, чтобы избежать от смущения и неловкости еще живущих и ни в чем не повинных людей. Так, имена Бернарда Б. О'Хара, Гарольда Дж. Спэрроу и доктора Абрахама Эпштейна вымышлены. Также выдуман личный номер Спэрроу и название, какое я дал в тексте отделению Американского легиона*, не существует и отделение Френсиса Х. Донована в бруклинском Американском легионе.

Мою скрупулезность можно лишь однажды подвергнуть сомнению. Это касается Главы 22, в которой Кэмпбелл цитирует три свои стихотворения на английском и немецком языках. В рукописи английские варианты абсолютно понятны. Что касается немецких, то Кэмпбелл воспроизвел их по памяти, и они до такой степени пестрят переделками, что невероятно трудны для чтения. Кэмпбелл больше гордился своими сочинениями на немецком языке и довольно равнодушно относился к тем, что написаны на английском. Пытаясь оправдать эту гордость, он снова и снова переписывал немецкие варианты — они его не удовлетворяли.

Желая приблизиться к исходному немецкому варианту, я решил проделать тщательную работу по его воссозданию. Выполнила это ювелирное зада-

---

* Военно-патриотическая организация ветеранов Первой мировой войны.

ние, собрав, так сказать, вазу из осколков, миссис Теодор Роули из Котуита, штат Массачусетс, блестящий лингвист и сама уважаемая поэтесса.

Значительные сокращения я сделал только в двух местах. В главе 39 убрал кое-что по требованию издательского юриста. В оригинале у Кэмпбелла один из Железных гвардейцев* из организации «Белые сыновья американской конституции» кричит немцу: «Я больше американец, чем ты! Мой отец придумал “День гражданина”!» По утверждению свидетелей, подобное заявление действительно было сделано, но без особых оснований. Юрист полагал, что воспроизведение в тексте этого выкрика может оскорбить тех, кто действительно придумал «День гражданина».

Кстати, в той же самой главе Кэмпбелл, по словам очевидцев, предельно точно передает сказанное. Все сходится на том, что предсмертные слова Рези Нот воспроизведены верно.

Еще одно сокращение я сделал в главе 23, которая в оригинале порнографична. Я счел бы за честь привести главу полностью, если бы сам Кэмпбелл не попросил прямо в тексте редактора о некоей ее кастрации.

Название записок принадлежит Кэмпбеллу, оно взято из монолога Мефистофеля в «Фаусте» Гёте, который в переводе звучит следующим образом:

«А я — лишь части часть, которая была
В начале всей той Тьмы, что свет произвела,
Надменный свет, что спорить стал с рожденья

---

* Герой американских комиксов.

С могучей ночью, Матерью творенья.
Но все ж ему не дорасти до нас!
Что б он ни породил, все это каждый раз
Неразделимо связано с телами,
Произошло от тел, прекрасно лишь в телах,
В границах тел должно всегда остаться,
И, право, кажется, недолго дожидаться —
Он сам развалится с телами в тлен и прах»*.

Посвящение тоже принадлежит Кэмпбеллу. Вот что он писал о нем в главе, от которой впоследствии отказался:

«Еще не зная, какой окончательно будет моя книга, я посвятил ее Мата Хари. В интересах шпионажа она торговала своим телом, нечто подобное делал и я.

Теперь, когда часть книги написана, я предпочел бы посвятить ее личности менее экзотической, не ставшей мифом, более современной, а не героиней немого кино.

Я посвятил бы ее человеку знакомому — мужчине или женщине, — известному своими злыми, безнравственными поступками, который, однако, считал бы при этом: «Настоящий я, добрый, сотворенный на небесах, глубоко запрятан внутри».

У меня перед глазами много подобных примеров, я мог бы перечислить их с быстротой песенно-скажочков Гилберта и Салливана**, однако ни один не подходит больше моего.

---

* Пер. Н. Холодковского.

** Либреттист и композитор Викторианской эпохи.

Тогда позвольте мне оказать себе честь и перепосвятить эту книгу Говарду У. Кэмпбеллу-младшему, человеку, который слишком явно сеял зло и слишком тайно — добро, что в его время было преступлением.

Курт Воннегут-младший

**ИСПОВЕДЬ ГОВАРДА
У. КЭМПБЕЛЛА-МЛАДШЕГО**